

Вард Л. Р.

РОЛЬ ПОЛУШАРИЙ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 33-38. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

РОЛЬ ПОЛУШАРИЙ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Вард Л. Р.

Казанский государственный университет

Уникальным свойством человека является асимметрия работы его полушарий. В данной статье мы делаем попытку осмысления роли полушарий головного мозга в порождении слов.

Считается, что левое полушарие «располагает средствами порождения высказывания любой сложности. Оно владеет механизмами актуализации валентности слов, морфологическими механизмами словоизменения и словообразования и разнообразными способами синтаксического структурирования высказываний» [Портнов 1988: 29]. В качестве отправной точки нашего рассуждения приведем еще несколько цитат того же автора: «Для правого полушария характерны целостность, глобальность восприятия. Если левое полушарие в основном классифицирует воспринимаемые предметы, то правое - более удачно идентифицирует их, т.е. выделяет в них индивидуальное (левое - общее)» [Портнов 1988: 29]. «Иконические коды, которыми оперирует правое полушарие, позволяют охватить большое число ситуаций в силу а) их образной природы, б) большей свободы соединения единиц кодов, в) ассоциативной природы соединения этих единиц ... Предполагается, что лексические значения - функция правого полушария» [Портнов 1988: 30-31]. «Строя неоднозначный контекст, обладающий потенциально большой глубиной, многочисленными связями, часть которых даже и их создатель может полностью не осознавать, «правополушарное» мышление выражает его обычно в такой знаковой системе, которая исключает однозначное понимание» [Портнов 1988: 31]. «Для того чтобы быть выраженным, этот материал должен быть подвергнут соответствующей обработке, прежде всего систематизирован, логически упорядочен, включен в классификационные схемы» [Портнов 1988: 31]. «Для полноценной работы сознания необходимо взаимодействие двух полушарий, каждое из которых обладает своими когнитивными и коммуникативными возможностями» [Портнов 1988: 31].

Взаимодействие двух полушарий можно наблюдать в самой природе языкового знака. Дуалистичность языкового знака находится в отношениях своеобразного параллелизма с функциями двух полушарий: означающее, форма, структура соответствуют левому полушарию; означаемое, содержание, значение соответствуют правому полушарию.

Словообразование, являясь самостоятельным разделом языкознания, обнаруживает связь с грамматикой, с одной стороны, и с лексикологией, с другой. Данное обстоятельство создает много сложностей в определении предмета и задач словообразования, в определении единиц словообразовательного уровня (словообразовательных моделей и типов), в классификации способов словообразования. Тот факт, что словообразование обнаруживает связь и с грамматикой, и с лексикологией, т.е. с системой форм и с системой значений, уже является подтверждением того, что в порождении новых слов задействованы оба полушария и что в оценке продуктов словообразования не должна недооцениваться работа того или другого полушария.

На деле же, на наш взгляд, в большинстве исследований по словообразованию наблюдается явный перевес в сторону логических, формальных отношений, находящихся всецело в ведении левого полушария. Данный подход обусловлен центральным положением структурной лингвистики, гласящей, что язык - это система. Таким образом, анализ словообразовательных отношений производится с позиций преимущественно левополушарных стратегий.

Морфологическое и семантическое словообразование. Своеобразное отражение функций двух полушарий можно наблюдать в подходе, выражающемся в разграничении двух основных способов словообразования: морфологического (морфемного), преимущественно соотносящегося с левым полушарием, и семантического (неморфемного), преимущественно соотносящегося с правым полушарием. Мы говорим «преимущественно», потому что сращения типа *вагон-ресторан* или *впередсмотрящий* являются комбинаторными образованиями и, следовательно, находятся в ведении левого полушария, а считающиеся морфологическими образования типа *котопфей* образованы с использованием особых механизмов, находящихся скорее всего в ведении правого полушария.

Доминирование левополушарных стратегий в подходе лингвистов, занимающихся словообразованием, подтверждается тем, что, характеризуя семантическое словообразование, они исходят из положения, что для семантического способа, как и для морфологического, характерно возникновение слов на основании типовых отношений, по моделям (что является признаком функционирования левого полушария) [Балалыкина, Николаев 1985: 30]. Несмотря на замечание о единстве и взаимодействии морфемного и семантического способов [Балалыкина, Николаев 1985: 31], это взаимодействие объясняется больше с формально-логических, нежели когнитивных позиций.

Полисемия и омонимия. Одним из камней преткновения в словообразовании является вопрос о семантическом словообразовании и связанный с ним вопрос о разграничении полисемии и омонимии. Традиционный взгляд трактует полисемию как «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [Ахманова 2005: 335]. Омонимия же определяется как «звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц» [Ахманова 2005: 287]. Разграничение полисемии и омонимии обычно производится на основе выявления наличия или отсутствия общих сем в единицах, претендующих на статус либо слов (омонимов) либо лексико-семантических вариантов одного слова. Смена денотата не является основанием для отнесения единицы к отдельной лексеме.

Существует и другая точка зрения: «Лексическое значение слова развивается, но развивается до определенного предела. Таким пределом его развития является момент смены денотата. Смена денотата есть момент появления нового слова, т.е. словообразование» [Балалыкина, Николаев 1985: 35].

100% опрошенных студентов, которым было предложено определить, примерами омонимии или полисемии являются примеры а) fly «муха» и fly «ширинка»; б) брак «женильба» и брак «дефект»; в) field «поле» и field «отрасль знаний»; г) поля (посевные) и поля (тетради), решили, что примеры а) и б) представляют собой омонимы, а примеры в) и г) лексико-семантические варианты одного слова. На вопрос о том, что является причинами появления омонимов, большинство ответило, что такой причиной является случайное совпадение в звучании.

Метафорическое употребление слова должно относиться к области омонимии, так как всегда связано со сменой денотата, но образ, лежащий в основе переноса, является средоточием общих признаков, мешающих сознанию воспринимать прямое и переносное значение слова содержанием отдельных лексем.

Если подходить к проблеме с точки зрения когнитологии, то вопрос об омонимии и полисемии является по существу вопросом о соотношении работы левого и правого полушарий. Правое полушарие, характеризуясь континуальностью смыслового поля, обуславливает сосуществование различных смыслов, размытость, нечеткость значения, синкретизм как источник дальнейшей дифференциации смыслов, осуществляемой на уровне левого полушария, характеризующегося дискретностью знаков, служащих формальному выражению значений, продуцируемых правым полушарием. Таким образом, полисемия и омонимия диалектически связаны. Полисемия может служить источником омонимии на каком-то этапе, но сознание (правополушарная его составляющая) сопротивляется формальному требованию фиксировать акт образования нового слова с каждой сменой денотата (референта).

«Референт - тот предмет мысли, с которым соотнесено данное языковое выражение; отраженный в сознании элемент объективной реальности как «внутренняя сторона» слова, т.е. как то понятийное содержание, с которым ... устойчиво соотносится данная единица выражения» [Ахманова 2005: 384].

Референты являются повседневными понятиями, т.е. так называемыми естественными категориями. Традиционное, восходящее к Аристотелю, представление о том, что категории определяются совокупностью общих свойств, а понятия хранятся в сознании как логические таблицы достаточных и необходимых условий, определяющие место каждой конкретной категории, в последнее время пересматривается в когнитивной психологии. Элеонора Рош утверждает, что «большинство повседневных понятий обладает градуированной внутренней структурой, которая характеризуется прототипом (описываемым как точка отсчета) в центре и «размытыми границами» (или подвижной демаркационной линией между положительными и отрицательными примерами) на периферии» [Моран]. Все члены категории могут иметь сходство, которое «распознается скорее с помощью чувственного восприятия, нежели определяется логически» [Моран]. По Э. Рош, «смысл большинства повседневных понятий (или «естественных категорий») черпается не из их определяющих свойств, а из тех характеристик, которые свойственны их наиболее типичному члену...Прототипом является такой член категории, который разделяет максимум общих свойств с остальными членами этой категории и минимум свойств с членами других категорий. Люди определяют, принадлежат ли объект или идея к какой-то конкретной категории, сравнивая их с прототипом этой категории» [Моран]. Если подходить к вопросу о разграничении полисемии и омонимии с позиций теории прототипов Э. Рош, то некоторые ЛСВ будут ближе к ядерному значению, другие будут удалены на периферию. Чем дальше от ядерного значения, тем больше оснований для отнесения данной единицы к омониму.

Ср.: flat 1 «плоский, ровный», flat 2 «однообразный», flat 3 «прямой, категорический», flat 4 «скучный, вялый, бесцветный». Удаление на периферию часто происходит за счет дальнейшего развития не ядерного значения, а одного из производных значений. Так, flat 4 «скучный, вялый, бесцветный» является скорее развитием значения flat 2 «однообразный», чем flat 1 «плоский, ровный».

Дж. Лакофф, развивший идеи Э. Рош, писал, что «полисемия есть следствие существования регулярных связей между различными когнитивными моделями и между элементами одной и той же модели. Одно и то же слово часто используется для обозначения элементов, находящихся между собой в таких отношениях» [Лакофф 1987: 152].

Принимая положение Э. Рош о том, что большинство повседневных понятий обладает градуированной внутренней структурой, можно использовать его в различного рода классификациях, которые при этом потеряют вид бинарных оппозиций, строящихся на противопоставлении характерных признаков.

Узуальное и окказиональное словообразование. В словообразовании принято разграничивать узуальные и окказиональные способы и модели словопроизводства. Понятие узуального связано с понятием нормы в широком смысле по определению Л. Крысина: «В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов (в этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка)...»; «Под языковой нормой обычно понимают совокупность наиболее устойчивых, освященных традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху» [Крысин].

Окказиональное словообразование связано или традиционно воспринимается как связанное с нарушением законов общеязыкового словообразования. Е. А. Земская, например, называет их «нарушителями законов (правил) общеязыкового словообразования» [Земская 1992: 180]. Таким образом, окказиональное словообра-

зование выпадает из языковой системы. В отличие от неологизмов окказиональные единицы «еще не вошли в язык, имеют статус факта речи, а не языка... Важным отличительным признаком окказионализмов, помимо их контекстуальности, является то, что они создаются по особым окказиональным (речевым) или реже по непродуктивным языковым словообразовательным моделям» [Кукушкина, Поликарпов, Токтонов].

Итак, узуальное словообразование соотносится с понятием нормы, определяемой системой языка, следовательно, связано преимущественно с работой левого полушария. Окказиональное словообразование, нарушающее норму, порождающее нерегулярные формы и модели, должно соответствовать, в основном, правому полушарию.

Одной из центральных категорий узуального словообразования является категория словообразовательного типа, или структурно-семантической схемы построения производных слов, характеризующихся общностью следующих признаков: а) лексико-грамматического характера производящих слов, т.е. их принадлежности к определенной части речи, б) словообразовательного форманта и в) основного словообразовательного значения [Немченко 1994: 225]. О словообразовательном форманте мы говорим в случае морфологического словообразования, это аффиксальная морфема, или аффикс. В семантическом словопроизводстве роль словообразовательного средства выполняет «включение слова в иной лексический разряд» [Балалыкина, Николаев 1985: 101].

В области окказионального словообразования также делались попытки определить словообразовательное средство. Различные виды контаминации нередко отождествляют с фонетическими способами окказионального словообразования. И. С. Улуханов к словообразовательным средствам относит фонематические преобразования, имеющие место в фонетических способах, а в составе форманта при междусловном наложении (одном из видов контаминации) выделяет «те словообразовательные средства, которыми полученный окказионализм отличается от мотивирующих слов: а) единое главное ударение, совпадающее с ударением у одного из мотивирующих; б) закрепленный порядок компонентов; в) наличие фонемного отрезка, общего для обоих мотивирующих... Эти средства частично совпадают со средствами, входящими в состав формантов сложения и сращения» [Улуханов 1992: 13].

Нетрудно заметить, что словообразовательные средства предстают в виде набора механически соединенных признаков, видимых при формальном анализе окказиональных производных, но не производящих впечатления реальных средств, при помощи которых создаются новые слова, то есть не имеющих психологической природы.

В окказиональном словообразовании можно выделить два способа образования слов, характеризующихся своими особенностями и подвидами. Один способ, семантизация, является разновидностью семантического словообразования, другой, контаминация, является переходным способом между семантическим и морфологическим словообразованием. **Семантизация.** Семантизация - осмысление, обнаружение смысла, значения. Если попытаться классифицировать семантизированные образования, то можно выделить следующие типы:

1. Переосмысление существующих лексем без нарушения связи с денотатом (**аквариум** - место лишения свободы для рыб).

2. Переосмысление существующих лексем с нарушением связи с денотатом, но с сохранением формальной мотивированности (**вездеход** - обувь на все случаи жизни).

3. Переосмысление существующих лексем с нарушением связи с денотатом и с нарушением формальной и семантической мотивированности (**дедукция** (*дед-укция*) - форма мышления, дедовский способ умозаключений).

4. Переосмысление существующих лексем с нарушением связи с денотатом, с нарушением формальной и семантической мотивированности и с нарушением структуры самого слова, подвергающегося переосмыслению (**каюк-компания** (каюк + кают-компания)- (морск.) общий зал на тонущем корабле).

Контаминация. Контаминация (блендинг, телескопия) - взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы. Можно предложить классификацию контаминационных образований, основанную на принципах фонетических трансформаций, происходящих с взаимодействующими производящими единицами:

1. Междусловное наложение (**головавакуум** (голова + вакуум)).

2. Собственно контаминация (**джазофрения** (джаз + (ши)зофрения)).

3. Контаминация с субституцией фонем (**интемные** (отношения) (инт(и)мный + темный)).

4. Контаминация с эпентезой (**муженский** (мужеский + [н] или мужеский + женский)).

5. Контаминация с диерезой (**уманоид** ((г)уманоид - [г] или гуманоид + ум)).

6. Контаминация с метатезой (**веселопедисты** (велосипедисты + весело)).

7. Контаминация без пересечения фонем (**кабактерий** (кабак + (кафе)терий)).

Мы попытались представить виды семантизации и контаминации по принципу усложнения структурно-семантических отношений в производящей базе окказиональных единиц.

Первый тип семантизации не создает собственно нового слова, но переводит известное слово в разряд экспрессивных. Однако, если определение исходного слова, представляющее собой метафорический перенос, используется вместо него, то возникает вопрос о том, является ли оно новым словом или «созначением» старого слова. Мы можем наблюдать здесь своеобразное «зеркальное отражение» определенных процессов

узуального семантического словообразования. Речь снова идет о полисемии и омонимии. Если «аквариум это тюрьма для рыб», то будет ли являться слово *тюрьма* в контексте «Я двух новых барбусов в тюрьму посадил» лексико-семантическим вариантом или омонимом узуального существительного *тюрьма*? Если метафорическое словоупотребление лексемы *тюрьма* и может иметь статус омонима, то слово *аквариум*, получающее определение «тюрьма для рыб», не производит впечатления нового слова, поскольку сохраняет связь с денотатом, хотя и приобретает экспрессивность. Поскольку в исходную лексему привносится дополнительный компонент значения, можно придать единице *аквариум* в контексте «аквариум это тюрьма для рыб» статус лексико-семантического варианта.

Второй тип семантизации также представляет собой механизм образования омонимов, так как слово, традиционно используемое для обозначения одного явления или предмета, начинает обозначать другой предмет или явление, при этом также акцентируется коннотативный компонент семантики переосмысленного слова, что является отличительной чертой неузуального словопроизводства вообще.

При третьем типе семантизации слово перестает обозначать привычный объект, а начинает соотноситься формально и семантически с приписываемой данному слову мотивирующей базой. При этом в плане членности слова, подвергшегося семантизации, происходят всевозможные трансформации. В частности, могут вычлениваться компоненты, не существующие в узусе, не соответствующие никаким корневым или аффиксальным морфемам. В данном типе можно усматривать предпосылки формальных изменений слова, подвергшегося семантизации. Наконец, четвертый тип представляет собой переход к контаминации, так как здесь наблюдается взаимодействие переосмысливаемого слова и другого слова, подставляемого как часть исходного слова. Здесь наблюдается переход от чисто семантических трансформаций к трансформациям на уровне формы.

Говоря о разновидностях контаминации, необходимо отметить, что самой простой является междусловное наложение, когда оба слова присутствуют в окказиональном производном без какого-либо усечения. Самым сложным типом контаминации является контаминация без пересечения фонем. Данный тип контаминации демонстрирует, что контаминироваться могут *любые* слова, даже те, которые не имеют общих сегментов, то есть слова, формально отличные. При необходимости, обусловленной семантическими причинами (контекстом), любые два (или более) слова могут порождать бленд. Если внимательно посмотреть на бленды в последней группе, то можно усомниться в том, что некоторые из них являются контаминированными образованиями: они очень похожи на аффиксальные производные. Действительно, почему *кабактерий* - бленд, а не производное от *кабак* при осложнении данной основы суффиксом *-терий*, вычленяемого в слове *кафетерий* при соотнесении его со словом *кафе*? Почему *phoneme* - бленд, а не суффиксальное производное от *phone* (ср. *morpheme*, *grapheme*)? Здесь наблюдается переход от контаминации к аффиксации (суффиксации), их взаимное неразличение.

Применяя теорию прототипов Э. Рош, можно представить переход от семантического словопроизводства к морфологическому через контаминацию следующим образом:

Очевидно, данная схема репрезентирует возможную эволюцию способов словообразования в историческом разрезе. Семантическое словообразование должно быть первичным по отношению к морфологическому словообразованию, что находится в отношениях корреляции с развитием левого полушария на базе правого (или, во всяком случае, с развитием функций, ассоциируемых с соответствующими полушариями). Контаминация является промежуточным способом, обусловленным действием закона концептуальной интеграции (теория концептуальной интеграции была разработана Ж. Фоконье и М. Тернером, является развитием теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа). Контаминированные образования чаще носят случайный характер и появляются в речи непроизвольно в качестве речевых ошибок. Контаминация лежит в основе аналогии, которая ответственна за возникновение всех видов системных отношений в языке. Контаминация должна являться своеобразным прообразом суффиксации.

Описательное и историческое словообразование. Узуальное синхронное словообразование, в отличие от исторического, рассматривает структуру производных слов, взаимоотношения между родственными словами на определенном этапе развития языка [Немченко 1994: 5]. Слова, находящиеся в отношениях производности на современном этапе, могут не состоять в отношениях исторической производности. Фактически

описательное словообразование занимается вопросами членимости слов при соотнесенности с однокоренными словами. Вычленившиеся при этом элементы называют морфемами. Считается, что словообразовательные морфемы используются для образования производных слов, выступая в качестве словообразовательного средства. Иногда вычлениются такие элементы, которые в других словах не вычлениются, то есть нельзя сказать, что они служат для образования слов. Но они все равно называются словообразовательными морфемами, единичными, нерегулярными, их еще называют унификсами. Нетрудно, однако, заметить, что слова с унификсами не были образованы при помощи присоединения этого самого унификса к основе, а либо слово было заимствовано целиком (*пон-адья*), либо представляет собой контаминированное образование (*кот-офей* < кот + Тимофей или Ерофей; *стекл-ярус* < стекло, стеклянный + ярус).

Представление о том, что вычленившиеся при соотнесении с родственными словами элементы являются реальным словообразовательным средством, при помощи которого это слово и ряд других с точно таким же элементом было образовано, приводит к сверхгенерализованным утверждениям, что слова образуются сочетаниями морфем, и что, соединяя морфемы, можно генерировать несчетное количество слов [Солсо 2002: 321].

Соединять морфемы можно при образовании сложных слов (сращение, например, представляет собой чистое сочетание не просто морфем, а целых слов), о соединении морфем можно говорить в случаях префиксации: известно, что многие префиксы восходят к предлогам, а малограмотные написания показывают, что сочетание предлога с существительным воспринимается как одно слово; ритмическая группа не случайно иначе называется фонетическим словом. Т. Гивон отмечает, что морфологические элементы преимущественно возникают в результате семантического «обесцвечивания» предшествующих им, часто имеющих конкретное значение лексических единиц [Givon 2002:152].

Реальным механизмом суффиксального словообразования в значительном количестве случаев является, по-видимому, контаминация. Регулярный суффикс не является элементом, механически присоединяемым к основе производящего слова, регулярный суффикс - элемент, регулярно вычлениющийся в производных, образовавшихся при помощи контаминации с каким-то одним словом. Этим объясняется наличие вариантов суффиксов. Часто при этом производящие относятся к разным частям речи, что расшатывает понятие словообразовательного типа, требующего единства словообразовательного значения, словообразовательного средства и частеречной принадлежности производящих (ср. *хохот-ун* < хохотать и *смех-отун* < смех, *терпелив(ый)* < терпеть и *горд-елив(ый)* < гордый, *alcohol-ic* < alcohol и *work-aholic* < work).

Контаминация лежит также в основе образования сложносокращенных слов. Ср. *дорресторан* (сокращ. «дорожный ресторан»), *клавистор* (сокращ. «клавишный транзистор»), *распон* (устар. «расстриженный поп»).

Если рассматривать семантизацию и контаминацию не как способы окказионального словообразования, а как определенные психологические процессы, то семантизация должна условно относиться к уровню восприятия (в данном случае слова), а контаминация - к уровню производства (в данном случае слова).

Морфологическое словообразование выделилось из морфологии, и имеет дело с морфемами, на которые слово можно разложить в результате соотнесенности с мотивирующим его словом. Словообразовательные аффиксы выделяются в результате членимости и умозрительной мотивированности, а реальные отношения часто являются предметом не словообразования, а этимологии. Отношения производящих и производных могут не соответствовать действительному процессу образования слова (зонт > зонт-ик, в то время как в действительности: зонтик > зонт). Реальные словообразовательные отношения часто не соответствуют способам их систематизации. Одно из центральных понятий словообразовательной системы - словообразовательный тип - является отражением действия логического аппарата, стремящегося упорядочить отношения производного и производящего по трем признакам: единство формы словообразовательного средства (аффикса в морфологическом словообразовании); единство словообразовательного значения аффикса; единство частеречной принадлежности производящих. В действительности можно обнаружить большое количество примеров невыполнения того или иного условия. Так, например, частеречная принадлежность мотивирующих может уступать семантической общности мотивирующих (*смехотун* по аналогии с *хохотун*, которое вычленивает нерегулярный элемент, являющийся структурным компонентом слова-образца: хохот-ун < хохотать; смех-отун < смех).

О. Н. Киселева, изучая отношения мотивирующих в словообразовательном типе, приходит к мысли о том, что признак единства частеречной принадлежности мотивирующих следует заменить признаком их семантической общности, и приводит следующий ряд пар производящих и производных: имя > *именины*, крестить > *крестины*, девять > *девятины*, которые следует развести по различным словообразовательным типам, если придерживаться признака единства частеречной принадлежности мотивирующих. Однако, продолжает она, «при таком решении не учитывается единство семантической структуры мотивированных, во-первых, семантическая обобщенность мотивирующих, во-вторых, и их соотношение, в-третьих» [Киселева 1977: 263].

В спонтанной речи новые слова образуются часто без учета тех или иных требований, предъявляемых к отношениям производящего и производного: образование новых слов происходит не путем присоединения вычлениваемого остаточного отрезка к новой основе, а путем подстановки ассоциируемого слова на место части исходного слова с сохранением формы оставшегося отрезка исходного слова, то есть по аналогии к мотивирующему, и, по сути, речь идет о блендах.

Выводы. Таким образом, границы между семантическими и морфологическими способами словообразования, между узуальным и окказиональным словопроизводством, между полисемией и омонимией являются подвижными, в силу обусловленности данных процессов и явлений взаимодействием работы двух полушарий головного мозга, характеризующимися специфическими признаками. В способах упорядочивания словообразовательных отношений обнаруживается крен в сторону левополушарных, формально-логических стратегий и недооценка роли правого полушария в процессе порождения новых слов.

Список использованной литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М.: URSS, 2005.
2. Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. - Казань, 1985.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. - М., 1992.
4. Киселева О. Н. К вопросу о сущности семантической типизации в словообразовательном типе // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. - Томск, 1977. - Вып. 7. - С. 263.
5. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. - М.: Высшая школа, 1994.
6. Портнов А. И. Язык, мышление, сознание. Психолингвистические аспекты. - Иваново, 1988.
7. Солсо Р. Когнитивная психология. - СПб.: Питер, 2002.
8. Улукханов И. С. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке // Известия РАН. - 1992. - Сер. литературы и языка. - № 1.
9. Givón T. Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures. - 2002.
10. http://image.websib.ru/05/text_article.htm
11. <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html>
12. <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia2/lakoff.htm>
13. <http://www.psychology-online.net/articles/doc-437.html>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЖУНГЛИ» В СКАЗКАХ Р. КИПЛИНГА

Гаранина С. А.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В художественном дискурсе могут быть обнаружены не только новые особенности концепта, но и новые представления ранее принятых и широко известных характеристик. Поскольку автор художественного произведения, будучи человеком, обладающим специфическими взглядами на окружающий мир и своеобразным отражением действительности на основе своего предшествующего опыта, старается сформировать не существовавшие ранее приемы языкового выражения концептов, а также прилагает все усилия, чтобы «актуализировать порой весьма архаические образы» [Лотман 2000: 226].

В «Книге Джунглей» мы выделяем такой признак концепта джунгли как «древесно-кустарниковые заросли тропиков и субтропиков, для которых характерны ротанговая пальма, акации, высокорослые злаки (гигантский бамбук, сахарный тростник, эриантус и т. д.)» [СТС].

The greeny, cream-coloured, waxy blossoms were heat-killed before they were born... The green growths in the sides of the ravines burned up to broken wires and curled films of dead stuff; the hidden pools sank down and caked over; the juicy-stemmed creepers fell away from the trees they clung to and died at their feet; the bamboos withered, clanking when the hot winds blew, and the moss peeled off the rocks deep in the Jungle, till they were as bare and as hot as the quivering blue boulders in the bed of the stream [Куплинг 2006а: 10].

Признак концепта джунгли «заросли» является общим как для традиционного понимания, так и для сказок Р. Киплинга. Однако, следует заметить, что слово «джунгли» в сказках Киплинга помимо общеязыкового значения получает некоторые приращения смысла, становится символом силы, питающей Маугли, источником познания, тем убежищем, в которое он возвращается, когда его не принимают в деревне. *My mouth is cut and wounded with the stones from the village, but my heart is very light, because I have come back to the jungle* [Куплинг 2006: 79].

Джунгли - это место приюта и угрозы, ощущения счастья и тревоги. *You must only guess at all the wonderful life that Mowgli led among the wolves* [Куплинг 2006: 26].

В то же время джунгли - это место, где идет борьба за власть. Нам понятно, зачем нужна власть тому, у кого она уже есть (это Акела, Одинокый волк, управлявший Стаей), или тому, кто к ней стремится (это Шерхан): власть - это прежде всего право владеть. Но как быть с остальными, с такими как шакалом Табаки?

It was the jackal Tabaqi, the Dish-licker...

Father Wolf said stiffly, "there is no food here."

"For a wolf, no," said Tabaqi, "but for so mean a person as myself a dry bone is a good feast. Who are we, the Gidur-log [the jackal people], to pick and choose?" [Куплинг 2006: 12]

Они унижают себя и соглашаются с тем, что ими, их жизнью, их поступками кто-то управляет. Это характерно как для животного мира, так и для мира людей. Ученые пытаются найти причины такого поведения много лет, однако так и не пришли к однозначному заключению.

Животные объединяются в стада для совместной охоты, для обеспечения более высокой степени безопасности. Если говорить о взаимоотношениях внутри самого стада, то единственным способом согласо-